

Сказка Г.Х. Андерсена " В детской "

Папаша с мамашей и все братья и сестры уехали в театр; дома остались Аня да ее крестный.

– Мы тоже устроим себе театр! – сказал он. – Сейчас же начнем представление.

– Да ведь у нас нет театра! – возразила Аня. – Нет и актеров! Моя старая кукла не годится, она стала такая гадкая, а новую нельзя взять – платьице изомнешь!

– Актеры найдутся, если только не брезговать тем, что есть под рукой! – сказал крестный. – Ну, построим сначала театр. Вот сюда одну книжку, сюда другую, сюда третью; все три поставим вкось. Теперь по другую сторону еще три – вот и кулисы готовы. А этот старый ящик будет задней стеной – мы повернем его сюда дном. Сцена, как всякий видит, представляет комнату. Теперь дело за актерами! Посмотрим-ка, не найдется ли чего подходящего в ящике с игрушками. Сначала надо отыскать действующих лиц, а потом уж сочинять пьесу: одно ведет за собою другое – и выходит чудесно! Вот трубка от чубука, а вот перчатка без пары; пусть это будет папаша и дочка!

– Так это всего только два лица! – сказала Аня. – Вон лежит старый мундирчик брата. Нельзя ли и его взять в актеры?

– Отчего же нет? Ростом-то он для этого вышел. Он будет у нас женихом. В карманах у него пусто – вот уж и интересная завязка: тут пахнет несчастной любовью!.. А вот еще орешный щелкун – сапог со шпорою! Топ, топ! То-то лихой мазурист! Он топает и прищелкивает! Он будет у нас немилым женихом. Ну, какую же пьесу ты хочешь? Драму или комедию из семейного быта?

– Комедию! – сказала Аня. – Все так любят комедии. А ты знаешь какую-нибудь?

– Целую сотню! – ответил крестный. – Самый большой успех имеют французские, но они неподходящи для девочек. Мы возьмем лучше какую-нибудь из своих: они все ведь на один лад. Ну, я встряхиваю мешок! "Ку-ка-ре-ку! Обновись!" Вот теперь все комедии обновились! Слушай же афишу. – И крестный взял газету и стал читать как будто по афише:

Трубка и умный малый. Комедия в одном действии.
Действующие лица:
Господин Трубка – отец.
Госпожа Перчатка – дочь.
Господин Мундирчик – милый.
Фон Сапог – немилый.

Теперь начнем! Занавес поднят – у нас его нет, ну, значит, он поднят. Все лица налицо. Я поведу речь за папашу. Он сегодня сердит, – видишь, потемнел весь от куренья: "Вздор, вздор, ерунда! Я хозяин в доме! Я отец своей дочери! Извольте слушаться меня! Фон Сапог такая персона, что хоть глядись в него, как в зеркало! Он из сафьяна, да еще со шпорою! Тринь-брины! Тринь-брины! Он и женится на моей дочери!"

– Теперь следи за мундиром, Аня! – продолжал крестный. – Теперь он начнет. Он носит отложной воротничок, очень скромный, но сознает собственное достоинство и имеет право говорить так:

"На мне нет ни одного пятна! Добрые качества тоже надо принимать в расчет. А я ведь из самой добротной материи, да еще с галунами!" – "Ну, они только до свадьбы и продержатся! В стирке полиняют! – Это говорит опять господин Трубка. – Фон Сапог, тот непромокаем, из крепкой и в то же время тонкой кожи, может скрипеть, щелкать шпорою и похож на Италию!"

– Но они должны говорить стихами! – заметила Аня. – Говорят, это выходит так красиво!

– Можно и так! – ответил крестный. – Захочет публика, актеры заговорят и стихами. Ну, гляди же на барышню Перчатку; гляди, как она ломает пальчики:

Лучше век мне быть без пары,
Только бы избегнуть кары –
Жизнь с постылым проводить!
Мне того не пережить!
Ох, ох, ох,
Лопну, лопну, вот вам Бог!

"Вздор!" – Это уж отвечает папаша Трубка. А вот теперь говорит господин Мундир:

Перчатка-душа,
Ты так хороша!
Ты мне суждена,
Моей быть должна!

Тут Фон Сапог шаркает, топает, щелкает шпорою и опрокидывает три кулисы разом.

– Чудо как хорошо! – воскликнула Аня.

– Тс! – сказал крестный. – Молчаливое одобрение говорит о высокой степени воспитанности зрителей первых рядов. Теперь барышня Перчатка поет свою большую арию с руладами:

Я так убита,
Так сердита,
Что вам клянусь,
Я разреву-у-усь!..

Теперь самый интересный момент, Аня! Видишь, господин Мундир расстегивается и обращает свою речь прямо к тебе, чтобы ты похлопала ему! Но ты не хлопай! Так бонтонее! Послушай, как он шушит: "Чаша терпения моего переполнилась! Берегитесь! Я подведу интригу! Вы – Трубка, а я – малый с головой! Фьют! и – нет вас!" Гляди, Аня! Это самая интересная сцена во всей комедии! Мундир схватывает Трубку и засовывает к себе в карман – лежи тут! – а затем говорит: "Вы теперь у меня в кармане и не выйдете оттуда, пока не обещаете соединить меня узамы брака с вашей дочерью, Перчаткой с левой руки! Я протяну ей свою правую".

– Ужасно хорошо! – опять воскликнула Аня.

– А старая Трубка отвечает:

Что делать мне?
Горю, как в огне!
Ах, где ж мой чубук?
Ведь я – как без рук!
О, сжальтесь, простите,
Меня отпустите!
Я дочь вам отдам,
Венчаю вас сам!

– И конец? – спросила Аня.

– Что ты! – ответил крестный. – Конец только для Фон Сапога. Жених и невеста опускаются на колени; первая поет:

Отец, оживаю!

Второй:

Я вас отпускаю!

Господин Трубка благословляет их, а вся мебель поет хором:

То-то любящий отец!
Он повел их под венец!
Тут и пьесе всей конец!

Вот теперь похлопаем! – прибавил крестный. – И вызовем их всех, вместе с мебелью: она ведь из красного дерева!

– А что, наша комедия так же хороша, как та, что идет в настоящем театре? – спросила Аня.

– Она еще лучше! – ответил крестный. – Она короче, даром доставлена нам прямо на дом и помогла скоротать время до чаю!

Другие сказки Андерсена